

Узденова Фатима Таулановна

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ

В работе исследованы особенности художественной системы лирической поэзии карачаевцев и балкарцев, выявлены основные тенденции гносеологического процесса: стремление к этнизации аксиологических, статусных и социальных концептов, поиск адекватных форм и композиционных решений для объективного отражения мироощущения лирического героя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 35-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

строки: «Я между Дьяволом и Богом / Разорван весь» [Там же, с. 339]; «Есть мир. Ему название – бездна / И океан. / Кто в этом океане плавал – / Тому обратно нет путей! Я в нем погиб. – Обратно, Дьявол! / Не тронь детей!» [Там же, с. 343]. Важным показателем является также стихотворный размер, перешедший из энергичного двустопного ямба в плавный, исповедальный ямб с пиррихием. Герой говорит о том, что сестры были практически марионетками в его руках, их судьбы принадлежали ему: «...скрипки / В моих руках!» [Там же], «...ко мне прижавшись слепо» [Там же, с. 344]. После покаяния лирический герой делает отчаянную попытку исправить свои ошибки, искупить грехи и привести к покаянию сестёр: «Хотите, – я сорву повязку? / Я вам открою новый путь?» [Там же]. Но героини отвечают ему отказом, так как наслаждаются греховностью и готовы продолжить отдаваться страстям.

Таким образом, если героя, возможно, в будущем ждет спасение и прощение грехов, то лирические героини этого лишены – они продолжают добровольно отдаваться страстям, и для них самый важный компонент богословской триады – «спасение» – утерян.

Можно сделать вывод, что и сама Марина Ивановна Цветаева во время создания поэмы (1914 год) далека от спасения, погружаясь в пучину безудержной страсти, ведь ей понятно поведение лирических героинь, более того, она его поощряет, и сама в свою очередь боготворит гувернера-чародея: «Не знаю, есть ли Бог на небе! – / Но, если есть – / Уже сейчас, на этом свете, / Все до единого грехи / Тебе отпущены за эти / Мои стихи» [Там же].

Список литературы

1. Библия. Ветхий Завет. Новый Завет [Электронный ресурс]. 1059 с. URL: <http://lib.pravmir.ru/data/files/Bible.pdf> (дата обращения: 12.01.2016).
2. Валентинов (Вольский) Н. Два года с символистами. М.: XXI век-Согласие, 2000. 384 с.
3. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 325-348.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
5. Цветаева М. И. Сочинения: в 2-х т. / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. А. Саакянц. М.: Художественная литература, 1988. Т. 1. Стихотворения, 1908-1941; Поэмы; Драматические произведения. 719 с.
6. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. М.: Интерпринт, 1992. 544 с. URL: <http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/shveizer/shvB22.html> (дата обращения: 12.01.2016).
7. Bozhkova G., Shabalina N., Frolova G. The Forms and Functions of Masks in Poetic Heritage of M. I. Tsvetaeva // Journal of Language and Literature. 2015. Vol. 6. № 3. Iss. 1. P. 133-136.

“THE MYTH ABOUT A GREAT SINNER” IN THE POEM BY M. I. TSVETAEVA “THE MAGICIAN”

Ramazanova Liliya Mudarisovna

Bozhkova Galina Nikolaevna, Ph. D. in Philology

Elabuga Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University

Liliya3959@yandex.ru; bozhkova.galina@mail.ru

The myth about a great sinner is one the most important archaic and mythological plot schemes for Russian literature. The idea of moral revival of a fallen person makes its semantic core. In the poem by M. I. Tsvetaeva “The Magician” there are characters, who can be safely called “the greatest sinners” – these are personalities of a wide spiritual range, who traverse a path from a sin to penance, but the innovation of Tsvetaeva’s heritage is in the absence of one of the parts of the theological triad – “salvation”.

Key words and phrases: “The Myth about a Great Sinner”; poem by M. I. Tsvetaeva “The Magician”; theological triad; deadly sins; psychologism.

УДК 82.-1:82.1(470.6)

В работе исследованы особенности художественной системы лирической поэзии карачаевцев и балкарцев, выявлены основные тенденции гносеологического процесса: стремление к этнизации аксиологических, статусных и социальных концептов, поиск адекватных форм и композиционных решений для объективного отражения мироощущения лирического героя.

Ключевые слова и фразы: карачаево-балкарская поэзия; лирическое стихотворение; жанр; концепт; этносознание.

Узденова Фатима Таулановна, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

kbigi@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ

За время своего существования карачаево-балкарская поэзия освоила большое количество разнообразных форм выражения той или иной проблематики. Наибольшее распространение получили *лирические* и *лироэпические* жанры.

Поскольку лирика характеризуется наличием целостного образа-переживания, и формы ее «соотносятся уже не по степени развернутости изображаемого характера, как в эпосе, а по содержанию самих переживаний,

направленности их в определенной области жизни» [8, с. 368], на первый план выходит тематический принцип определения ее жанрового своеобразия (любовная, философская, политическая лирика и пр.). «Попытки же определения более дробных и точных тематических видов лирики неизбежно упрощают ее содержание, затрагивают лишь внешние стороны ее содержания» [Там же]. Тем не менее, начиная с эпохи античности и особенно в век классицизма предпринимались усилия классифицировать лирические произведения по родовым и внутрижанровым признакам, следствием чего явилось рождение таких лирических жанров как *послание, эпиграмма, мадригал, эпитафия, эпиталама, элегия, эклога* (оценочно-разграничительный критерий при этом остается неизменным: выявление внешней (размер, структура) и внутренней (настроение, отношение, замысел) форм). Подчас изменения (как внешнего, так и внутреннего характера) приводят к новым жанровым категориям. «Мельчайшее изменение формы, – пишет В. Кожин, – означает изменение содержания, смысла. И наоборот: каждый штрих, каждый нюанс смысла неизбежно осуществлен, реализован в форме» [7, с. 34].

Лирическое стихотворение (естественно, не исключая его канонизированные жанровые формы (элегия, миниатюра, ода, сонет, баллада, дифирамб, мадригал, послание, романс, канцона, песня, страмботто, эпод, кантата и др.)) в ряду стихотворений вообще – один из популярных, активно используемых видов. Для «неформализованного» лирического стихотворения (т.е. не соотношенного с вышеуказанными терминологическими обозначениями, проецируемого на иные, организующие элементы – в плоскости эмоционально-составляющей и наличия/отсутствия твердых форм) представляется оправданной классификация по главному (общему) признаку – эмоционально-оценочным константам, обусловленным:

- сенсорно-перцептивными связями (мотивы *радости, покоя, любви, дружбы; неудовлетворенности, тоски, разочарования, отчаяния*);
- субъектно-объектными отношениями: *лирический герой – природа, лирический герой – социум;*
- патриотико-пафосными дефинициями (лирические стихотворения *одического* плана).

Мотив как структурная единица есть, в первую очередь, проявление в произведении устойчивого переживания или состояния, «это своеобразная эстетически “уплотненная” эмоция, которая проявляет “портрет души” автора» [5, с. 11]; реализуется, как правило, в образной системе произведения. У горских поэтов мотивы радости, покоя связаны с образами зимы, весны, солнца и других природных слагаемых. «Солнечная» константа чаще обнаруживает себя в стихотворениях *одического* порядка. Осознавая мощь и целительную (энергетическую) силу небесного светила, поэты воздают ему честь и хвалу:

Минг бюсюреу къуллугъунга сыйлы кюн,

Джер юсюне джылы кёзден къарайса.

Джашау джолда бизге теджей насыб, тин,

Джюреклени чапырыргъа джарайса [10, с. 352]...

Бесконечная признательность моя деяниям твоим, почтенное солнце.

На каждого глядишь ты с теплотою.

В дороге жизни желая нам счастья, духовности,

Стремишься в сердца привнести покой (*Подстрочный перевод наш – Ф. У.*).

Солнце традиционно является символом жизни: рассвет и закат как рождающееся и умирающее. По логике вещей, эти процессы должны бы оппозиционировать (во всяком случае, русская классическая литература изобилует конструкциями, в которых просматривается символическая зависимость от того или иного семантического инварианта), но в творчестве карачаево-балкарских поэтов в части *закат* «роковой умысел» (И. Бухарова) чаще не усматривается, что подтверждает мысль о целостности мировосприятия авторов, мифопоэтической традиции (связанной непосредственно с сакрализацией и ритуализацией) как определяющей специфику этносознания. Отсутствие бинарных оппозиций, продиктованных идеей абсолютной гармонии мира и человека, все более становится характерной чертой современных лириков. Неслучайно в последнее время в литературоведении активно вовлекается в оборот понятие «эпифанический пафос» (И. Бухарова), так называемый «нулевой тип эмоционально-оценочного взгляда», состояние «полного снятия всех противоречий, достижения абсолютной гармонии мира и человека» [6, с. 11] (по типу «все во мне и я во всем» Ф. И. Тютчева, доктрин К.-Г. Юнга и Дж. Джойса).

В своей одической направленности лирическое стихотворение наиболее плотно сближается с *посланием* (собственно, это наглядно и в вышеприведенном стихотворении). Сентиментализм, присущий последнему, конкретизация объекта (адресность) имеют место во многих произведениях, выражающих эмоционально-чувственное поле лирического субъекта. *Пафосность* от одической традиции и *форма обращения* (эпистолярный субъективизм), порожденная спецификой послания, позволяют интерпретировать ряд стихотворений как смежные образования в результате творческой рецепции и трансформации лирических жанров. Зачастую это произведения, сосредотачивающие в себе энергетику духовной субстанции, обусловленную патриотическим накалом чувства.

Сагъышымы, алгъышымы

/ Ты мыслей моих, пожеланий

Аллыса сен;

/ Начало;

Насыбымы, муратымы

/ Счастья, мечты

Аллыса сен;

/ Начало;

Таурухуму, джырымы да

/ И сказки, и песни,

Аллыса сен,

/ Начало ты,

Ана тилим! Ана тилим [2, с. 496]...

/ Мой родной язык!

Ф. Байрамукова. «Сагъышымы, алгъышымы...» («Ты мыслей моих, пожеланий...»)

Надо сказать, очевидная взаимосвязь мотивов радости, позитива, указывающая на особенность мировосприятия национальных поэтов, нашла воплощение, главным образом, в так называемых «природных циклах». *Концепты – объекты природы* определили главную ипостась эмоционального поля человека – чувства уюта, безмятежности (радость + покой).

*У вечных льдов, целуя тучи,
цветок сорву я голубой
и радостно на снежных кручах
сравню его с моей судьбой.
Быть может, чудом, ненароком,
но все ж, как светлого намек,
расцвел на льдах в краю высоком
моей поэзии цветок [1, с. 156]!* (А. Байзуллаев. «Эдельвейс»)

Монологическая форма речи в большей степени приемлема для жанра *лирического раздумья*. В классическом литературоведении (отечественном и зарубежном) данный вид в статусе поэтической единицы не определяется, хотя его смысловое пространство наличествует со всем присущим ему понятийно-категориальным аппаратом. Движение чувств лирического героя, то есть то, что является определяющим в лирике, сопровождается мыслью: там, где чувство, неминуемо должна присутствовать мысль – дума, воспоминание [11, с. 172]. «Чем глубже чувство, тем глубже мысль, и наоборот...» [8, с. 357]. Глубина мысли закладывается уже в самом термине – «раздумье», «думы» (карач.-балк. *сагъыш*), взволнованность – в его лирической фактуре. Образно-звуковая система лирического раздумья (переживания) первоначально была заимствована у трубадуров средневековой эпохи. «Художественный образ средних веков был насквозь аксиологичен, представлял собой чистый алгоритм сопереживания, эстетический идеал, то есть канон» [9, с. 94]. В караево-балкарской поэзии наиболее активны обращения к образу-переживанию, «навеянному» грустью, то есть к форме элегического раздумья.

<i>Мен да насыб</i>	/ И я бы счастье
<i>Излер эдим</i>	/ Искал
<i>Кюн батмагъан джагъада,</i>	/ На берегу, где не тонет солнце,
<i>«Къарачай» деб,</i>	/ Если бы не было называющегося «Карачай»,
<i>Насыб берген</i>	/ Дающего (дарующего) счастья
<i>Джер болмаса дунияда [4, с. 356].</i>	/ Места на земле.

(Вспомним у К. Кулиева: «Чегем, ты мой дом, / мой исток и исход...»).

Понимание Родины у поэта ощущается абсолютным в плане личностного восприятия. Его чувства к Родине не имеют объяснения и причин. Они априорны в силу его принадлежности к данному пространству по факту рождения. Несмотря на то, что эмоциональная составляющая выдержана в медитативно-сдержанных нейтральных тонах и лишена какого-либо окраса, интонационные оттенки невербально атрибутируют состояние некоего внутреннего «согласия», обусловленного осознанием всецелой причастности к родной земле, к своему народу. Поэт создает картину, базирующуюся на знакомой идеологической оппозиции (Родина – Чужбина), но оппозиции инверсированной, в которой, в отличие от идеологически «выдержанных» соцреалистических стихов прошлого, Родина представлена в тонах, отнюдь не радостных, в последовательности природных картин, зримо и осязательно достоверных, но не комфортных; чужбина же видится средоточием благополучия, природного и материального. Автор предельно насыщает образное пространство сенсорикой, восприятием тумана и влаги в воздухе – «дымка подернула горы» («чарс басады таулань»), «холодный влажный воздух» («сууукъ, мылы хауа»). Им противостоит чужбина – с ярким, жарким солнцем, с колосящейся пшеницей, «райским теплом» («джандет джылыу») и прочей атрибутикой сытой жизни.

Надо сказать, национальная компонента привносится практически во все общемировые культурно-эмоциональные объекты, используемые любой поэтической системой в виде понятийных эстетизированных универсалий.

<i>Менден да кетмес суймеклик,</i>	/ И от меня любовь не уйдет,
<i>Ёлюб кирсем да джерге.</i>	/ Если даже, умерев, я уйду в землю.
<i>Гокка хансчыкъ джюрегимден</i>	/ Горный подснежник сквозь моё сердце
<i>Джашинаб чыгъалыр ёрге [3, с. 348].</i>	/ Расцветая, сможет прорасти вверх.

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что понятие «лирическое стихотворение» не поддается однозначной трактовке в силу наличествующих функциональных показателей: лирическое стихотворение как универсальная категория служит базисом для частных формо- и сюжетообразующих моделей (элегия, миниатюра, сонет и др.) и одновременно как самостоятельное жанрообразование, обладающее рядом дифференциальных признаков, выстраивается в ряд с вышеуказанными формами. В структурно-содержательном плане очевидны тенденция к этнизации аксиологических, статусных и социальных концептов (таких как Родина, судьба, любовь), поиск адекватных форм и композиционных решений для объективного отражения мироощущения лирического героя.

Список литературы

1. Байзуллаев А. Л. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 402 с.
2. Байрамукова Ф. И. Саггышымы, алгышымы... (Ты мыслей моих, пожеланий...) // Антология карачаевской поэзии XVIII-XX веков. М.: Эльбрусид, 2006.
3. Батчаев А. М. Тау артындан кьолтукълашыб... (Взявшись под руки, из-за горы...) // Антология карачаевской поэзии XVIII-XX веков. М.: Эльбрусид, 2006.
4. Батчаев М. Х.-К. Турнала (Журавли) // Антология карачаевской поэзии XVIII-XX веков. М.: Эльбрусид, 2006.
5. Бухарова И. Г. Поэзия Ксении Некрасовой: художественная интуиция и лирический пафос: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 19 с.
6. Есин А. Б., Касаткина Т. А. Система эмоционально-ценностных ориентаций // Филологические науки. М., 1994. № 5-6. С. 10-18.
7. Кожин В. В. Стихи и поэзия. М.: Сов. Россия, 1980. 304 с.
8. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. 448 с.
9. Толгуров Т. З. Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 285 с.
10. Тохчуков И. М. Кюнню къачы (Достоинство солнца) // Антология карачаевской поэзии XVIII-XX веков. М.: Эльбрусид, 2006.
11. Узденова Ф. Т. Карачаево-балкарская поэзия: к типологии жанра // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 172-175.

ON THE PECULIARITIES OF THE LYRIC POEM IN KARACHAY-BALKAR POETRY

Uzdenova Fatima Taulanovna, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute for Humanities Researches
kbigi@mail.ru

In the article the author studies the peculiarities of artistic system of lyrical poetry of the Karachays and the Balkars, and identifies the main trends in the epistemological process: the aspiration for ethnicization of axiological, status and social concepts, and the search for adequate forms and composition decisions for the objective reflection of the lyrical hero's world outlook.

Key words and phrases: Karachay-Balkar poetry; lyric poem; genre; concept; ethnic consciousness.

УДК 82.-1:82.1(470.6)

Исследовано послевоенное творчество балкарского писателя Б. Гуртуева, выявлены попытки перехода к новым системам поэтического изображения, более ориентированного не на условные конфликтные пары, пришедшие из эпохи лозунговой эстетики, а на нейтральные материальные, конкретные объекты; средством реализации явилось создание особого типа идеологической оппозиции – скрытой, или латентной, идеологема.

Ключевые слова и фразы: новописьменная литература; система поэтического изображения; послевоенная поэзия; идеологическая оппозиция; поэтика классового противостояния; политический утилитаризм; латентная идеологема; система скрытых противопоставлений.

Узденова Фатима Таулановна, к. филол. н.
Сарбашева Алена Мустафаевна, д. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
kbigi@mail.ru; kbigi@mail.ru

СКРЫТАЯ ИДЕОЛОГЕМА В ПОСЛЕВОЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Б. ГУРТУЕВА

Творчество одного из зачинателей балкарской литературы советского периода Б. Гуртуева в 30-х гг. прошлого века представляло собой один из ярких образцов художественного мышления, базирующегося на официальных государственных толкованиях эстетического как политически значимого явления. По сути дела, его ранние произведения представляют собой утилитарные тексты, ориентированные на пропаганду классовых дефиниций, на внедрение в массовое сознание моделей поведения, норм этики, официально признаваемых государством в качестве обязательных, обусловленные (собственно, как и у многих авторов этой поры) «стандартами безусловной классово-идеологической дихотомии» [6, с. 195]. Особенности этого периода развития новописьменных литератур подробно освещены в целом ряде исследований, детально разобрано довоенное творчество Б. Гуртуева (исследования З. Толгурова [5], А. Тепеева [4], А. Сарбашевой [3] и др.), мы же лишь упомянем, что его писательская манера и авторские устремления являлись, в большей степени, результатом его личного опыта. Перед Б. Гуртуевым вряд ли стояла проблема приспособления к требованиям социалистического общежития. Он, как социально активный гражданин, поддерживавший идеи и социальные устремления Советов, был полностью интегрирован в реалии нового строя. В этом смысле и его первые поэтические и прозаические